

Марьяна Куприянова

CONSTANTA

RUGRAM

Москва
2024

УДК 821.161.1
ББК 82(2Рос-Рус)6
К92

Куприянова, М.

К92 Constanta / М. Куприянова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 440 с.

ISBN 978-5-517-11959-9

В жизни Яны Гарзач наступает черная полоса. Конфликты в институте, недопонимание в семье, финансовые трудности и комплексы усугубляют ее проблемы с самоконтролем, порождая спонтанные и опасные вспышки ярости. Последней каплей становится чреватый исключением недопуск к экзамену.

Но внезапно Яне начинает помогать странный преподаватель с другого факультета. Ненавязчиво решая одну проблему за другой, он ничего не просит взамен, однако его необъяснимый интерес не остается без внимания. Герои оказываются в щекотливом положении, пытаясь пресечь похабные сплетни о себе.

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-11959-9

© Марьяна Куприянова, текст, 2024
© ironzenaart, дизайн обложки, 2024
© RUGRAM, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

*«Радужный блик падает даже в грязь,
но не перестает быть прекрасным».*

Все имена вымышлены, все совпадения с реальными людьми и событиями случайны.

1. Электрон

— стабильная, отрицательно заряженная элементарная частица, одна из основных структурных единиц вещества.

— Ну и тварь, — я обреченно покачала головой. — Хуже нее еще не было преподав.

— Да не переживай ты так. Все еще наладится, сама же знаешь, — искренне, но тщетно успокаивала меня подруга.

— Да какое на хрен наладится? Меня из универа выпрут скоро, а ты — «наладится»! Ты еще скажи, что все будет хорошо...

— Конечно, будет. Это же ты.

— Ну и что?!

— Ты умная и все сдашь, — спокойно ответила Ольга, привыкшая к моему темпераменту за полтора года совместного обучения.

— Умная? Умная! — от ярости я чуть ли не кричала, — тогда какого хрена у меня недопуск, раз я такая умная?! Я вот чего не пойму! Недопуск! К зачету! Откуда?!

— Пропускать надо было меньше. И не ори.

Ну, раз уж сама Оля попросила быть потише, значит, я и правда перешла черту. Но успокоить себя в тот момент я не имела сил. Злоба заливала глаза радужным бензином, ярость от несправедливости заставляла захлебываться, бабахаясь в толще собственного гнева.

— Ты же знаешь, что у меня гораздо меньше пропусков, чем она мне приписала, — сквозь зубы цедила я. — Эта сука

просто меня невзлюбила! Ненавижу! Откуда восемь пропусков по практическим? Откуда? Их всего у нас было четыре!

— Угомонись, — тихо попросила подруга. — Все еще об-разумится. Главное не тяни. Иди в деканат и узнай, что де-лать в твоей ситуации.

Я стиснула зубы.

— Деканат! Да срать там хотели на таких, как я. Что мне там скажут? Решайте сами, это ваши проблемы? Знаю я эту... дуру... как ее? Вечно злая сидит.

— Валерия Дмитриевна.

— Да! Она на меня волком смотрит. И чего все меня так не любят?

Я оперлась локтями на колени и обхватила голову, не зная, что делать дальше. Для меня жизнь закончилась се-годня. Теперь — конец. Вон из универа — вон из семьи.

— В деканат все равно придется идти, — заметила Оль-га. — Это твой единственный выход. Сходи, вдруг там тебе помогут? А не помогут, что ты теряешь? Сходить стоит. Только не тяни, а то еще и правда дотянешь до того, что ста-нет поздно.

Я качала головой, чуть ли не воя. Эта вредная стерва даже не знает, что творит с чужой жизнью. Как безжалостно она ее рушит, рубит на корню. Одно слово — ненавижу — выра-жает мое отношение ко всему миру сейчас, и к отдельному преподавателю в частности.

— Яночка, ты солнышко. Я тебя очень люблю. Я. Вот про-сто она такая, и все. У нее такое отношение к своему пред-мету...

— Не смей ее выгораживать! Это самый худший препод, который у нас был! — я поднялась, яростно сверкая глаза-ми. — И пусть свою косметику засунет себе в..!

— Она что, предлагала тебе?

— Нет. Но думаю, лишь потому, что я ничего у нее не ку-пила, я не получила допуска...

— Иди в деканат. Расскажи все, как есть. Не тяни с этим.

Я схватила свои рефераты и порвала надвое. Четыре двенадцатилистовые тетради одним махом, шутка ли. Вчера я писала их до посинения, лишь бы закрыть долги, вручную, до боли в пальцах. А сегодня она просто отвернулась от меня, как от навоза, и сказала, что я НЕ ДОПУЩЕНА к ее зачету.

— Почему? — спросила я, закипая.

— Потому что у Вас долги, а сегодня последний день.

— Так примите у меня их — вот они! — я нагло взмахнула тетрадями перед ее крючковатым носом. — Как Вы и сказали, все от руки.

— Нет, нет. Надо было раньше. Ничего не знаю. Идите, не задерживайте тех, кто сдает стихи.

— Возьмите, — настойчивее попросила я и положила их ей на стол.

— Так, не буду я ничего смотреть. У вас недопуск. До свидания.

— Войдите в мое положение...

— С чего я обязана? — она вскинула брови.

— Ну что мне теперь делать?

— Слушать мой курс заново. Все, ушла!

После я еще дважды подходила к ней, растаптывая гордость и принципы в пыль, но она, даже не подозревая, *на что я иду* ради сдачи ее предмета, просто выпроваживала меня не в самой приятной форме. Так я ничего не добилась и оказалась в коридоре со злосчастными рефератами в руках, которые писала непонятно зачем. И рядом со мной, что в радости, что в горе, вновь была Ольга. Единственный, по ходу, здесь человек, который привык к моему характеру, понимает меня и не обижается, когда я ору на нее. Хотя она ни в чем не виновата и меньше всех этого заслуживает.

— Не пойду я в деканат... Пусть она лучше сходит кое-куда, бля.

— Ян, прекрати. Сейчас кто-нибудь услышит.

— Да плевать! Все равно ведь вылечу отсюда!

— Утомонись, я тебе говорю. Господи. Ты такая умница, все схватываешь на лету. Попытайся решить эту проблему.

— КАК?!

— Для начала — деканат. У тебя уже нет выбора, чтобы брыкаться.

Ольга прекрасно понимает мой характер. За это я ее и люблю. Она знает, что я буду показывать гордость до тех пор, пока задница окончательно не загорится. А сейчас уже пахло жареным. Хорошо так пахло.

Минуту я молча кусала губы. В пустом универе, в пустом коридоре. У пустой аудитории, где еще полчаса назад сидела та, которую я больше видеть не хочу. Зачем, спрашивается, индивидуальному предпринимателю с собственным салоном красоты работать в университете? Разве чтобы рекламировать и пропихивать свою продукцию среди студентов. А какое самомнение? Было бы это у меня дома... в родном городе... ее бы давно поставили на место те же ученики. А здесь совсем другое: беспредел запрещен, зато бюрократия процветает. Те же яйца, только в профиль. Здесь мне приходится вести себя, как человек. Воспитанный и цивилизованный. Получается плохо.

— Хорошо, — в конце концов я подняла голову, — завтра сходишь со мной в деканат. Сегодня он уже закрыт.

Ольга кивнула и положила руку мне на плечо, заранее зная, что я с раздражением ее сброшу. Я дернула плечом, нервно скривив рот. Так скоро психоз разовьется. Подруга в курсе, как сильно я не люблю, когда меня жалеют или успокаивают; знает, что посторонняя жалость выводит меня из себя еще больше, но все равно жалеет и успокаивает. Потому что она такая, и она настоящая. И все это нравится мне в ней.

Извиняться за то, что орала на нее, выплескивая злость на самом ближнем, я не стала. Ольга и сама все понимает — мой характер оставляет желать лучшего. Просто я выросла не в тех условиях, где принято говорить слово «прости». Кто-то мирится с моей грубостью, как она, а кто-то не умеет. Ну и земля им синтепоном, решаю я про себя, пока мы спускаемся по лестнице.

Все очень плохо.

Но дома мне придется сказать, что все отлично, и консультация прошла успешно. И соорудить довольную мину, чтобы не дай бог мать не заметила и тени недовольства на моем лице. Сразу пристанет, все ли нормально. Она у меня чуует такие вещи, как ищейка наркоту. А правду сказать я им не могу. Я всегда была малость ленивой умницей в их глазах, у которой никогда не было проблем с учебой. Они очень редко видели меня настоящей — раздолбайкой, грубиянкой, эгоисткой, невежей и невеждой, которой я на самом деле являюсь все эти годы.

— Так тяжело притворяться.

— Ну так не лги им. Скажи, как есть.

— Не могу, — мы оказались на улице, и пришлось сунуть руки в карманы. — Ты не знаешь, как они к этому относятся.

— Как же? Неужели они тебя убьют?

— Нет. Но из дома точно выгонят. Они откажутся от меня, если меня исключат из универа. Им не нужна тупая неудачница в качестве дочери...

— Не преувеличивай.

— Ты просто их не знаешь. Ты с ними не жила.

— Не изверги ведь они!

— Но такой, какая я есть, они меня не примут.

— Откуда тебе знать?

— Да были случаи...

Ольга заинтересованно посмотрела на меня, собираясь спросить, что же это были за случаи, но лишь смиренно

покачала головой, заметив, что я все еще готова разнести стены универа в щепу. Долго же внутри меня копился этот гнев — недалекость окружающих, их откровенное хамство и зазнайство, завалы в учебе, плохие отношения в семье — все это теперь нашло выход, нашло русло, куда вылиться.

Мне казалось, что у меня горела кожа, настолько я была взбешена последней каплей, от которой мое терпение равнуло мощнее четвертого энергоблока в 1986 году.

— От тебя так и прет негатив, Яна. Приди в себя, а то взглянуть страшно. У тебя такое лицо, будто ты хочешь убивать, но сдерживаешься, — Ольга шагала вместе со мной на остановку.

— Не могу так быстро отойти от злости. Я слишком вспыльчивый человек.

— Вспыльчивые загораются быстро, но и сгорают тоже быстро. А ты все не успокоишься.

— Да ну как тут успокоиться? На кону моя будущая жизнь, а не початок кукурузы.

Ольга улыбнулась и посмотрела вдаль.

— Где же твое обычное наплевательское отношение к учебе? Вспомни, как сдавала Вернера, — она изо всех сил пыталась мне приободрить, отчего мне делалось еще более тошно, еще более жаль себя.

— Помню, — хмыкнула я.

— Какого числа ты его сдала, припомни?

— Первого апреля.

— А почему? — на самом деле подруга прекрасно знала эту историю, во всех деталях.

— Потому что пришла туда в первый раз первого апреля.

— А почему в середине весны, а не в зимнюю сессию, как положено?

— Оля, ты же знаешь. Потому что мне было плевать. Даже когда сказали, что в начале марта окончательное отчисление.